

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности положений статей 38 и 125
Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с
жалобой гражданина В.В.Ченского

город Санкт-Петербург

21 ноября 2017 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя
В.Д.Зорькина, судей К.В.Арановского, А.И.Бойцова, Н.С.Бондаря,
Г.А.Гаджиева, Ю.М.Данилова, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева,
А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова,
Ю.Д.Рудкина, О.С.Хохряковой, В.Г.Ярославцева,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской
Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3,
частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального
конституционного закона «О Конституционном Суде Российской
Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке
конституционности положений статей 38 и 125 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина
В.В.Ченского. Основанием к рассмотрению дела явилась обнаружившаяся

неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителем законоположения.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В.Мельникова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Статья 38 УПК Российской Федерации определяет правовой статус и полномочия следователя как участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения. Судебный порядок рассмотрения жалоб на его действия (бездействие) и решения, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам либо затруднить доступ граждан к правосудию, регламентирован статьей 125 данного Кодекса.

Оспаривающий конституционность указанных законоположений гражданин В.В.Ченский был задержан по подозрению в совершении преступления в рамках уголовного дела, возбужденного по факту дорожно-транспортного происшествия, повлекшего смерть человека, и помещен в изолятор временного содержания, где находился с 29 июня 2015 года по 1 июля 2015 года; при этом произведены осмотр и выемка принадлежащего ему автомобиля, признанного впоследствии вещественным доказательством. В дальнейшем по данному уголовному делу проведены судебные экспертизы с исследованием изъятого транспортного средства, его осмотра, следственный эксперимент, а В.В.Ченский допрошен в качестве свидетеля, однако постановление о прекращении его уголовного преследования не выносилось и автомобиль ему возвращен не был. В удовлетворении же ходатайства о привлечении его в качестве обвиняемого либо о прекращении в отношении него уголовного преследования и о возврате автомобиля было отказано следователем и руководителем следственного органа.

В.В.Ченский обратился в районный суд в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации с жалобой, в которой просил признать незаконными

действия (бездействие) названных должностных лиц, связанные с отказом в вынесении постановления о прекращении его уголовного преследования и в разъяснении ему права на реабилитацию, а также в возврате изъятого транспортного средства. Постановлением судьи от 20 июля 2016 года, оставленным 28 сентября 2016 года судом апелляционной инстанции без изменения, жалоба удовлетворена частично: действия следователя, связанные с отказом в возврате автомобиля, признаны незаконными с возложением обязанности устранить допущенные нарушения. В остальной части производство по обращению прекращено, поскольку, как указано в судебном решении, В.В.Ченский, по смыслу заявленного им требования, поставил перед судом вопрос о возложении на следователя обязанности совершить конкретное процессуальное действие, что противоречит статье 38 УПК Российской Федерации, согласно которой следователь, помимо прочего, уполномочен самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий.

Нарушение оспариваемыми законоположениями своих прав, гарантированных статьями 46 (части 1 и 2), 49, 52 и 53 Конституции Российской Федерации, заявитель усматривает в том, что они, ограничивая гражданина в возможности обратиться за судебной проверкой необходимости принятия в отношении него процессуального решения о прекращении или о продолжении уголовного преследования, тем самым лишают его в дальнейшем права на реабилитацию.

Соответственно, с учетом требований статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», положения статей 38 и 125 УПК Российской Федерации являются предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу постольку, поскольку на их основании решается вопрос о судебной проверке действий (бездействия) следователя, связанных с определением процессуального статуса лица,

которое, будучи освобождено из-под стражи после задержания по подозрению в совершении преступления на основании статей 91 и 92 данного Кодекса, допрашивается в качестве свидетеля о тех же событиях и по тому же уголовному делу без вынесения процессуального решения о прекращении его уголовного преследования.

2. Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью и возлагает на Россию как демократическое правовое государство, в котором охраняется достоинство личности, обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина, в том числе право каждого на защиту своей чести и доброго имени, и в этих целях, а также для обеспечения иных конституционных ценностей, включая законность и правопорядок, закрепляет требование законодательного определения уголовно-правовых запретов общественно опасных деяний и наказания за их нарушение, а в случаях, когда данные ценности становятся объектом преступного посягательства, – осуществления уголовного преследования лиц, преступивших закон (статья 1, часть 1; статья 2; статья 21, часть 1; статья 23, часть 1; статья 55, часть 3; статья 71, пункты «в», «о»; статья 76, часть 1).

Относя к неотчуждаемым правам человека право каждого на судебную защиту его прав и свобод, Конституция Российской Федерации гарантирует возможность обжалования в судебном порядке решений и действий или бездействия органов государственной власти и должностных лиц и право на возмещение причиненного их незаконными действиями или бездействием вреда (статья 46, части 1 и 2; статья 53), одновременно закрепляя, что каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда, он не обязан доказывать свою невиновность, а неустранимые сомнения в виновности толкуются в его пользу (статья 49). Эти права, как следует из статей 17 (часть 1) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации, не

подлежат ограничению, признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, в том числе нашедшим отражение во Всеобщей декларации прав человека (статьи 7, 8, 10 и 11), Международном пакте о гражданских и политических правах (статья 14) и Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 6), в силу которых каждый при рассмотрении предъявленного ему уголовного обвинения имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок компетентным, независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона, и считается невиновным, пока его виновность не будет доказана согласно закону.

С учетом того, что право на судебную защиту – это не только право на обращение в суд, но и возможность получения реальной судебной защиты путем восстановления нарушенных прав и свобод, которая должна быть обеспечена государством в соответствии с критериями эффективности и справедливости, конституционные принципы правосудия, вытекающие из статей 19 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2), 47 (часть 1) и 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации, предполагают как неукоснительное следование процедуре уголовного судопроизводства, так и своевременность и действенность защиты прав и законных интересов не только обвиняемых, но и лиц, подозреваемых в совершении преступления.

3. Согласно части первой статьи 46 УПК Российской Федерации подозреваемым является лицо, в отношении которого возбуждено уголовное дело по основаниям и в порядке, установленным главой 20 данного Кодекса (пункт 1), либо которое задержано в соответствии со статьями 91 и 92 данного Кодекса (пункт 2), либо к которому применена мера пресечения до предъявления обвинения в соответствии со статьей 100 данного Кодекса (пункт 3), либо которое уведомлено о подозрении в совершении преступления в порядке, установленном его статьей 223¹ (пункт 4). Следовательно, само возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица, задержание лица по подозрению в совершении преступления,

применение к нему меры пресечения или его уведомление о подозрении в совершении преступления обуславливают приобретение им процессуального статуса подозреваемого. При этом статья 46 УПК Российской Федерации определяет лишь начальный момент, с которого лицо становится подозреваемым.

Приобретение указанного статуса создает для лица ряд процессуальных гарантий защиты от осуществляемого в его отношении уголовного преследования, к числу которых статья 46 УПК Российской Федерации относит обязательный допрос подозреваемого не позднее 24 часов с момента его фактического задержания (часть вторая), а также право знать, в чем он подозревается, давать объяснения и показания по поводу имеющегося подозрения либо отказаться от дачи объяснений и показаний (пункты 1 и 2 части четвертой). Тем самым статус подозреваемого как участника уголовного судопроизводства со стороны защиты позволяет лицу защищаться от уголовного преследования, для чего оно наделяется соответствующими возможностями, а потому основания и порядок изменения этого статуса должны быть четко определены в уголовно-процессуальном законе с тем, чтобы такое лицо не было ограничено в правах, включая право на судебную защиту и право на реабилитацию в случае причинения ему вреда незаконным или необоснованным уголовным преследованием.

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, регулируя основания и порядок задержания подозреваемого, одновременно закрепляет и основания его освобождения. В частности, статья 91 данного Кодекса наделяет орган дознания, дознавателя, следователя правом задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения, либо когда потерпевшие или очевидцы укажут на это лицо как на совершившее преступление, либо когда на этом лице или его одежде, при нем или в его

жилище будут обнаружены явные следы преступления (часть первая); при наличии иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано, если это лицо пыталось скрыться, либо не имеет постоянного места жительства, либо не установлена его личность, либо если следователем с согласия руководителя следственного органа или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении этого лица меры пресечения в виде заключения под стражу (часть вторая). Статья же 94 УПК Российской Федерации обязывает дознавателя или следователя освободить подозреваемого, если не подтвердилось подозрение в совершении преступления, либо отсутствуют основания применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, либо задержание было произведено с нарушением требований статьи 91 данного Кодекса, о чем выносится постановление (часть первая); по истечении 48 часов с момента задержания подозреваемый подлежит освобождению, если ему не была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу либо суд не продлил срок задержания в порядке, установленном пунктом 3 части седьмой статьи 108 данного Кодекса (часть вторая); при освобождении подозреваемого из-под стражи ему выдается справка, в которой указывается, кем он был задержан, дата, время, место и основания задержания, дата, время и основания освобождения (часть пятая).

Из взаимосвязанных положений пункта 55 статьи 5, статей 46, 91 и 94 УПК Российской Федерации – принимая во внимание различия юридических оснований, в силу которых лицо является подозреваемым, в том числе оснований для задержания, а также дифференциацию оснований для освобождения подозреваемого из-под стражи – не следует, что само по себе такое освобождение во всех случаях означает прекращение процессуального статуса лица в качестве подозреваемого, снятие с него подозрения в преступлении, а равно прекращение его уголовного преследования, т.е. процессуальной деятельности, осуществляемой стороной обвинения в целях изобличения в совершении преступления.

Так, прекращение уголовного дела влечет за собой одновременно прекращение уголовного преследования, причем допускается прекращение уголовного преследования в отношении подозреваемого, обвиняемого без прекращения уголовного дела (статьи 24 и 27 УПК Российской Федерации). В числе же оснований для прекращения уголовного преследования пункт 1 части первой статьи 27 УПК Российской Федерации предусматривает и непричастность подозреваемого или обвиняемого к совершению преступления, свидетельствующую либо об отсутствии доказательств (достаточных данных), позволяющих продолжить уголовное преследование конкретного лица (неустановленная причастность), либо об установленной его непричастности к совершению преступления (пункт 20 статьи 5 УПК Российской Федерации). Как отметил Конституционный Суд Российской Федерации, указанное законоположение подлежит применению во взаимосвязи с иными нормами данного Кодекса, определяющими подозреваемого и обвиняемого как участников уголовного судопроизводства и регулируемыми их правовой статус (статьи 46 и 47), а его назначение в системе этих норм – как прекращение в отношении таких лиц процессуальной деятельности, нацеленной на их изобличение, и защита тем самым их прав (определения от 23 апреля 2015 года № 849-О и от 29 сентября 2015 года № 2068-О). В случае прекращения уголовного преследования подозреваемого в связи с непричастностью к совершению преступления с него снимается подозрение в преступлении и у него возникает право на реабилитацию (пункт 3 части второй статьи 133 УПК Российской Федерации).

Вместе с тем постановлением об освобождении задержанного подозреваемого со ссылкой на пункт 1 части первой статьи 94 УПК Российской Федерации подтверждается отсутствие достаточных данных даже для выдвижения такого подозрения, что служит поводом и для разрешения вопроса о прекращении (невозможности продолжения) уголовного преследования лица, освобожденного из-под стражи. Иное

влекло бы необоснованное продолжение обвинительной деятельности в отношении этого лица, чья непричастность к преступлению фактически констатируется вынесенным постановлением, и ограничение принадлежащих ему прав.

Незаконное же или необоснованное уголовное преследование, в том числе задержание в качестве подозреваемого, – это одновременно и грубое посягательство на человеческое достоинство, а потому возможность реабилитации, восстановления чести и доброго имени опороченного неправомерным подозрением либо обвинением лица, а также обеспечение проверки законности и обоснованности уголовного преследования и принимаемых в связи с ним процессуальных решений (в случае необходимости – в судебном порядке) являются непосредственным выражением конституционных принципов уважения достоинства личности, гуманизма, справедливости, законности, презумпции невиновности, права каждого на защиту, включая судебную, его прав и свобод (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 июля 2011 года № 16-П). Следовательно, государство не вправе оставить неисполненными возложенные на него Конституцией Российской Федерации обязанности по защите прав и свобод человека и гражданина, оно не освобождается – исходя из требований ее статей 21 (часть 1), 23 (часть 1), 45, 46 (часть 1), 49, 52, 53 и 54 (часть 2) – от необходимости гарантировать лицам, неправомерно подвергнутым уголовному преследованию, охрану достоинства личности и обеспечить им доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба на всех стадиях уголовного судопроизводства (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2013 года № 24-П).

В свою очередь, отсутствие процессуального документа, свидетельствующего о том, что подозрение снято и уголовное преследование прекращено, способно воспрепятствовать восстановлению прав, нарушенных уголовным преследованием, делая, в частности, невозможным применение

статьи 133 УПК Российской Федерации об основаниях возникновения права на реабилитацию. Поскольку же уголовно-процессуальный закон определяет лишь начальный момент, с которого лицо становится подозреваемым, неопределенность правового статуса этого лица в ситуации фактического уголовного преследования – без его юридического оформления и, соответственно, без предоставления прав по защите от него – может сохраняться вплоть до истечения сроков давности уголовного преследования (статья 78 УК Российской Федерации и пункт 3 части первой статьи 24 УПК Российской Федерации).

Между тем, как прямо предусмотрено пунктом 3 части второй статьи 133 УПК Российской Федерации, подозреваемый, уголовное преследование в отношении которого прекращено по основаниям, предусмотренным пунктами 1, 2, 5 и 6 части первой статьи 24 и пунктами 1 и 4–6 части первой статьи 27 данного Кодекса, имеет право на реабилитацию, в том числе право на возмещение вреда, связанного с его уголовным преследованием, что свидетель в силу требований части первой статьи 11 данного Кодекса обязан разъяснить лицу, обеспечив возможность осуществления его прав.

4. Уголовное судопроизводство осуществляется на основе состязательности сторон (часть первая статьи 15 УПК Российской Федерации), чем предопределяется участие подозреваемого в уголовном процессе со стороны защиты от обвинения, а свидетеля – в качестве иного, нейтрального участника судопроизводства. Применительно к одному и тому же событию преступления, по факту которого возбуждено уголовное дело, лицо не может одновременно находиться в статусе подозреваемого (статья 46 УПК Российской Федерации), т.е. лица, подвергнутого уголовному преследованию, и свидетеля – лица, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, и которое вызвано для дачи показаний (статья 56 УПК Российской Федерации). Тем самым допросу лица в качестве свидетеля по уголовному делу, в котором это лицо имело статус подозреваемого, должно

предшествовать процессуальное решение о прекращении его уголовного преследования; следователь не вправе допрашивать по одному и тому же делу, об одних и тех же событиях в качестве свидетеля лицо, чей статус подозреваемого не прекращен надлежащим процессуальным решением. Иное приводило бы к нарушению прав такого лица, гарантируемых статьями 46 (части 1 и 2), 49, 52 и 53 Конституции Российской Федерации.

Следовательно, лицо, которое задерживалось по подозрению в совершении преступления в соответствии со статьями 91 и 92 УПК Российской Федерации и после освобождения из-под стражи – при отсутствии процессуального решения о прекращении его уголовного преследования, а значит, и процессуального оформления прекращения его статуса подозреваемого – допрашивается (подлежит допросу) в качестве свидетеля, лишено возможности защитить свои нарушенные права, а потому в силу статей 21 (часть 1), 23 (часть 1), 45, 46 (часть 1), 49, 52 и 53 Конституции Российской Федерации вправе обжаловать в суд бездействие следователя, выразившееся в непринятии решения о прекращении его уголовного преследования, в необеспечении реализации права на реабилитацию.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, определяя в статье 38 следователя как должностное лицо, уполномоченное в пределах компетенции, предусмотренной данным Кодексом, осуществлять предварительное следствие по уголовному делу (часть первая), закрепляет его общие полномочия, в том числе самостоятельно направлять ход расследования, принимать решения о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с данным Кодексом требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа (пункт 3 части второй). Предоставленные следователю полномочия реализуются им не произвольно, а по основаниям и в порядке, установленным уголовно-процессуальным законом.

Наделяя следователя полномочием самостоятельно направлять ход расследования и принимать процессуальные решения, законодатель не исключает необходимость выполнения следователем при осуществлении уголовного преследования всего комплекса предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, в частности его статьями 7, 11, 14 и 16, мер по охране прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 года № 13-П; определения Конституционного Суда Российской Федерации от 24 января 2008 года № 63-О-О, от 16 июля 2015 года № 1616-О, от 26 января 2017 года № 4-О и др.). Такие же обязанности возлагаются на следователя и при решении вопросов о начале (продолжении) уголовного преследования в отношении конкретного лица и о его прекращении по соответствующим основаниям.

При этом действия (бездействие) и решения следователя могут быть обжалованы в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы (часть первая статьи 123 УПК Российской Федерации). Так, подлежат обжалованию в районный суд постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные его действия (бездействие) и решения, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию (статья 125 УПК Российской Федерации).

Вместе с тем, как неоднократно отмечал Конституционный Суд Российской Федерации, в силу принципа состязательности сторон судопроизводства, закрепленного в статье 123 (часть 3) Конституции Российской Федерации и предполагающего разграничение в уголовном процессе функций осуществления правосудия, обвинения и защиты, на суд как орган правосудия не может возлагаться выполнение несвойственных ему

процессуальных обязанностей, связанных с уголовным преследованием (постановления от 14 января 2000 года № 1-П и от 27 июня 2005 года № 7-П; определения от 15 апреля 2008 года № 310-О-О, от 15 июля 2008 года № 445-О-О и др.). При рассмотрении жалоб по правилам статьи 125 УПК Российской Федерации суд, признавая действие (бездействие) или решение должностного лица незаконным либо необоснованным и обязывая его устранить допущенное нарушение, не наделен полномочием самому отменять решения органов предварительного расследования и прокурора, а также принимать взамен них другие решения, поскольку в этом случае он в той или иной мере фактически принимал бы участие в осуществлении предварительного расследования, а значит, и в деятельности по уголовному преследованию, что несовместимо с ролью суда, как она определена в законе (части вторая и третья статьи 15 УПК Российской Федерации) (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 25 января 2005 года № 2-О, от 17 июня 2013 года № 1003-О и от 29 марта 2016 года № 551-О).

Соответственно, суд не вправе обязывать органы предварительного расследования возбуждать, прекращать либо возобновлять уголовное преследование в отношении конкретного лица, что, однако, не препятствует суду дать оценку законности и обоснованности оспариваемых действий (бездействия) или решений, которые способны затруднить доступ граждан к правосудию либо причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства, в том числе праву на охрану достоинства личности, на защиту своей чести и доброго имени и на возмещение вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти и их должностных лиц (статья 21, часть 1; статья 23, часть 1; статьи 52 и 53 Конституции Российской Федерации).

По результатам рассмотрения жалобы в порядке статьи 125 УПК Российской Федерации суд выносит постановление либо о признании действия (бездействия) или решения должностного лица незаконным или необоснованным и о его обязанности устранить допущенное нарушение,

либо об оставлении жалобы без удовлетворения; данное постановление должно быть законным, обоснованным и мотивированным (часть четвертая статьи 7 и часть пятая статьи 125 УПК Российской Федерации). При этом, рассматривая жалобу, суд не должен ограничиваться лишь исполнением формальных требований уголовно-процессуального закона и отказываться от оценки фактической обоснованности оспариваемых действий (бездействия) и решений. Такая оценка закономерно включает в себя и полномочие суда указать соответствующему органу или должностному лицу на конкретные нарушения, которые ими допущены и которые они обязаны устранить. Невыполнение данной обязанности может служить основанием не только для обжалования связанных с этим действий (бездействия) прокурору или в суд, но и для принятия мер ответственности за неисполнение судебного решения (определения Конституционного Суда Российской Федерации от 21 декабря 2004 года № 464-О, от 25 января 2005 года № 2-О, от 24 марта 2005 года № 151-О, от 23 июня 2005 года № 299-О, от 17 июня 2013 года № 1003-О, от 23 декабря 2014 года № 3005-О, от 18 июля 2017 года № 1545-О и др.).

Таким образом, положения статей 38 и 125 УПК Российской Федерации по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают полномочие суда при рассмотрении жалобы лица, которое, будучи освобождено из-под стражи после задержания по подозрению в совершении преступления на основании статей 91 и 92 данного Кодекса, допрашивается в качестве свидетеля без вынесения процессуального решения о прекращении его уголовного преследования, на бездействие следователя, выразившееся в непринятии решения о процессуальном статусе этого лица, разрешить, в том числе в целях признания за ним права на реабилитацию и восстановления законности, вопрос о необходимости принятия следователем такого решения.

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

П О С Т А Н О В И Л :

1. Признать взаимосвязанные положения статей 38 и 125 УПК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку содержащиеся в них положения по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают полномочие суда при рассмотрении жалобы лица, которое, будучи освобождено из-под стражи после задержания по подозрению в совершении преступления на основании статей 91 и 92 данного Кодекса, допрашивается в качестве свидетеля без вынесения процессуального решения о прекращении его уголовного преследования, на бездействие следователя, выразившееся в непринятии решения о процессуальном статусе этого лица, разрешить, в том числе в целях признания за ним права на реабилитацию и восстановления законности, вопрос о необходимости принятия следователем такого решения.

2. Конституционно-правовой смысл положений статей 38 и 125 УПК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Правоприменительные решения, вынесенные в отношении гражданина Ченского Владислава Владимировича на основании положений статей 38 и 125 УПК Российской Федерации в истолковании, расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении, подлежат пересмотру в установленном порядке.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

5. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой

информации» (www.pravo.gov.ru). Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

№ 30-П

Конституционный Суд
Российской Федерации